

КОГДА я училась в институте, моим любимым предметом была теория вероятностей. «Виноват» в этом был учебник «Теория вероятностей», написанный доктором технических наук Еленой Сергеевной Вентцель и отлично известный студентам нескольких поколений. Потом было ее же «Исследование операций» и множество научных трудов и научно-популярной литературы.

Ах, что это были за учебники! До сих пор приятно вспомнить, как интересно рассказывалось в них о вещах вроде бы скучных и сухих, но благодаря таланту автора ставших понятными даже для заядлых лентяев.

Окончив институт и став инженером, я и потом, годы спустя, обращалась к статьям и монографиям Вентцель. Работать с ними — просто-таки удовольствие: отточенная логика, простота и доступность изложения выделяли их из огромной массы научно-технической литературы.

ИНТЕРВЬЮ «МК»

СТОЛКНОВЕНИЕ РАЗНЫХ НАЧАЛ

КОНЕЧНО, я читала не только учебники. Очень любила И. Грекову, зачитывалась ее рассказами и повестями: «Дамский мастер», «За проходной», «На испытаниях», «Хозяйка гостиницы». Когда были напечатаны «Кафедра» и «Вдовый пароход», оказалось, что о писательнице говорят везде, ее книг не достать, журналы, где она печатается, зачитываются до дыр, в театре имени Моссовета на ее пьесу — столпотворение.

Ей близки вечные темы, волнующие современников: совесть, справедливость, ценность человеческой жизни, столкновение в одном человеке разных начал, вступающих в борьбу между собой, умение выстоять перед жизнью.

В журнале «Октябрь» № 9 за 1985 год вышла последняя повесть И. Грековой — «Фазан». Вся она — внутренний монолог, самоисповедь. Прикованный к постели, тяжело больной старик размышляет о прожитой жизни, задавая самому себе единственный вопрос: так ли он жил? И с горьким и бесполезным уже сожалением понимает: не так. Одаренный от природы, он всю жизнь искал легкого пути, ничем не озабочился и по пустякам промотал самое ценное — самого себя.

Две полярности — эгоизм и преданность. А за ними — отношение к жизни, к своему предназначению, умение любить, жертвовать. Давно они волнуют писательницу, еще со времен «Дамского мастера», одного из первых рассказов Грековой. А уж «Хозяйка гостиницы» и «Вдовый пароход» дают такие столкновения сил, такие «сто пудов любви», что, кажется, лед может закипеть...

ПОСТОЙТЕ, о ком мы говорим, может удивиться читатель, об авторе учебников Вентцель или о писательнице Грековой? Для тех, кто еще не знает, поясню: это — одно и то же лицо.

— Елена Сергеевна! Не бывает ли у вас чувства раздвоенности?

— Нет и никогда не было. Всю жизнь писала свои научные работы как «литературные», работая над языком, фразой, композицией. Может быть, этим объясняется их популярность. Научные работы подписывала истинным своим именем (Е. С. Вентцель), а литературные — псевдонимом И. Грекова (от названия латинской буквы «игрек»). Но, к сожалению, в последние годы даже мои статьи на научные и научно-педагогические темы редакторы просят меня подписывать «И. Грекова», ссылаясь на то, что это имя более известно (смотря в каких кругах!). Соглашаюсь, но не переносу, когда пишут: «И. Грекова, профессор, доктор технических наук», ибо такого профессора и доктора нет. Во всем остальном — никакого «чувства раздвоенности» нет. Напротив, есть чувство единства. Для нашего времени вообще характерно размывание граней между точными и гуманитарными знаниями, между наукой и искусством.

— Расскажите, пожалуйста, о себе. Чем увлекались в детстве? Когда начали писать?

— Мое «начало» было настолько давно, что в пору и забыть. Помню, что детство было счастливым и светлым (родители очень любили друг друга, и мир в семье был безупречным). Отец, преподаватель математики, человек незаурядно талантливым, был центром семьи. Его черты я пыталась передать, но не очень успешно в повести «Кафедра» в лице Пулина — отца профессора Завалишина. Последний на несколько лет старше меня, но атмосфера в семье похожа на ту, которая была в нашей.

Увлечения в детстве — математика (от отца) и литература (от него же). Отец был разнообразно талантлив, играл на скрипке, писал стихи (между прочим, стихотворение «Часы», помещенное в «Кафедре», написано моим отцом, Сергеем Федоровичем Долгинцевым).

Писать стихи и прозу начала очень рано, чуть ли не с пяти лет, когда научилась грамоте.

— А когда почувствовали себя писателем?

— Печататься (в литературном жанре) я начала очень поздно, после 50 лет. Но писателем (профессиональным) до сих пор себя не чувствую; верна своей основной профессии — научный работник. Буквально на днях подписала договор на новый учебник по теории вероятностей для студентов высших учебных заведений. Мои книги по теории вероятностей, исследование операций и другие до сих пор издаются и переиздаются во многих странах мира.

— В АШУ «Теорию вероятностей» я отношусь к лучшим учебникам, с которыми мне довелось работать. В чем секрет успеха учебника? Какой должна быть педагогическая и научно-популярная литература?

— Книга «Теория вероятностей» написана как роман. В традициях математической литературы — концептивно, сжато, с изложением фактов и их доказательства, но оставляя в стороне «ход мыслей», приведший к той или иной идее. Я, наоборот, пытаюсь как раз этот ход мыслей и проследить. Кроме того, как опытный педагог я стараюсь избегать тех ошибок, которые подстерегают учащегося на каждом этапе усвоения предмета, и не боюсь на них указывать («Смотрите, не подумайте так-то и так-то»). Наконеч, не брезгаю шуточной и анекдотической отсылкой. По-моему, такой и должна быть научно-популярная литература: без ненужной «беллетризации», без «зачасаху дарованья пилюлю», без шуточных (почастую довольно безвкусных) рисунков в тексте; но в тоне непринужденной, «не жреческой» беседы с живым чи-

тателем. Популяризация нигде не должна переходить в вульгаризацию. К сожалению, с легкой руки зарубежных (главным образом, американских) образцов у нас подчас авторы из кожи лезут вон, чтобы «позабавить» читателя. Невольно вспоминается где-то у Гоголя «пилюля», которую доктор, желая угодить пациенту, «подслащивал немилосердно». Мое отношение к этому «развлекательному» научному чтению я достаточно отчетливо выразила в романе «Пороги». (№№ 10—11 журнала «Октябрь» за 1984 год).

— Какие проблемы волнуют вас сегодня — как писателя, ученого, педагога?

— Как писателя меня волнуют все проблемы, которые волнуют сейчас весь мир. Но я предпочитаю говорить о том, что мне доподлинно известно, и известно лучше, чем большинству читателей. Мировые проблемы присутствуют во всех моих произведениях — может быть, и не названные прямо по имени. Все мы живем сегодняшним днем — его беды, его неустройства,

его тенденции волнуют меня в первую очередь. Мой роман «Пороги», написанный в 1981 году и напечатанный только в 1984-м, затрагивал тему анонимных писем, которая недавно начала обсуждаться в периодической печати. Анонимки — зло, разъедающее нашу деловую, рабочую жизнь, и в «Порогах» — разоблачение этого зла. Другая идея романа — коллектив как «положительный герой» литературы, его устойчивость, способность противостоять гнили, заразе.

Что касается «ученого», то этого термина я не люблю ввиду его оценочного характера. Предпочитаю более нейтральное — научный работник, каковым себя и считаю. В этой области волнует меня тема ведомственной разобщенности, распада науки на ряд узкоспециализированных ветвей, где часто говорится одно и то же, но на разных языках. Институт научных степеней и званий нуждается, по моему, в существенных изменениях (например, установившийся порядок защиты диссертации, ставший на пути «соискателя» множество формальных препятствий; сама процедура защиты, давно потерявшая смысл, и так далее). Наука страдает от множества лишних людей, занявшихся ею в лучшем случае из престижных соображений, а в худшем — из материальных.

Как педагога, а я по преимуществу и прежде всего педагог высшей школы, меня волнуют вопросы реформы высшего образования, которая, мне кажется, неизбежно должна последовать за реформой средней общеобразовательной школы. В частности, проблемы преобразования высшей технической школы. Вся постановка преподавания в ней должна быть самым решительным образом деформализована, избавлена от начетничества, зубрежки, гипертрофированной опеки. Вся система, начиная от вступительных экзаменов, включая переходные и кончая дипломным проектированием, должна быть решительно перестроена, поставлена в жесткую связь с теми знаниями и навыками, которые действительно необходимы молодому специалисту в его практической деятельности. Ряд статей по этому вопросу уже публиковался мной в соавторстве с профессором Анатолием Дмитриевичем Мышкисом на страницах «Литературной газеты», «Комсомольской правды» и других изданий.

— ЕСЛИ сравнить нагрузку студента какого-нибудь технического вуза с университетской, то мы увидим такую картину: обязательных учебных часов в институте чуть не вдвое больше, экзаменов в сессию — тоже существенно больше. Студент университета свободно выбирает спецкурс по своему вкусу, а будущему инженеру — только бы справиться с основными предметами. Не слишком ли расширена программа вуза?

— Программа должна целиком зависеть от будущей практической деятельности инженера, вид которой хорошо бы уяснить куда раньше, чем это делается теперь. Программа, безусловно, перегружена лишними, уже неактуальными вещами, которые сохраняются «по традиции». Вместе с тем в ней не хватает многого, что необходимо. В частности, каждый инженер должен быть «на ты» с вычислительной техникой, а сейчас, к сожалению, их знакомство зачастую поверхностно.

— Сказывается ли на сегодняшнем абитуриенте падение престижа некоторых технических профессий?

— Разумеется, сказывается. В свое время быть инженером считалось почетным; ныне это — чуть ли не последняя ступень «престижной лестницы». Естественно, это связано и с низкой оплатой труда инженера. Поступают в технический вуз не люди, влюбленные в технику, а те, которым куда-нибудь да поступить, лишь бы конкурс поменьше. Отсюда — множество случайных людей, без призвания, отсиживающих учебные часы «от сих и до сих», с совершенно другими интересами. Вызывает тревогу и непрерывно возрастающая «феминизация» технических вузов. Сама женщина, я не могу не признать с грустью, что увлеченность техникой, талант к ней гораздо чаще встречаются среди мужчин, чем среди женщин.

— Уже более двадцати лет вы известны как прозаик, а инсценировки ваших произведений появились сравнительно недавно. Что чувствует писатель, впервые увидевший своих героев со стороны?

— Видеть своих героев на сцене всегда интересно и поучительно. Пьеса «Вдовый пароход», написанная мной в соавторстве с Павлом Лунгиным, идет сейчас во многих театрах страны. Я видела ее в двух постановках: театра имени Моссовета и Вильнюсского русского драматического театра. Из этих постановок мне удалось узнать много нового о своем произведении и его героях. Например, в спектакле театра имени Моссовета образ монтера Паньки Зыковой, созданный замечательной актрисой Натальей Теняковой, оказался значительно замысел и сложнее, чем мой авторский замысел. Вообще, мне кажется, это хорошо, когда вещь допускает не однозначную интерпретацию, а различные прочтения. То же чувствовала я и смотря телефильм «Кафедра» по моей повести, где профессор Энэн (его играл превосходный актер Андрей Попов) был совсем не похож на задуманный мной образ, к своему великому огорчению. Отношение мое к постановкам и инсценировкам — сугубо положительное. Разумеется, если они хорошо сделаны.

Беседу вела Светлана НОВИКОВА.